

КУРС ЛЕКЦИЙ АДАМА МИЦКЕВИЧА
В COLLÈGE DE FRANCE:

«Русская идея» в зеркале польского мессианизма

15 июля 1840 г. распоряжением французского министра просвещения Виктора Кузена в Collège de France в Париже была учреждена Кафедра славянского языка и литературы. Она стала первой подобного рода институцией в Западной Европе и, таким образом, ее основание можно рассматривать как достаточно значимый этап в развитии европейской славистики, которое в 1840–1850-х гг. XIX в. стимулировалось «русской угрозой» и повышением в европейской политике значимости «славянского вопроса» в целом. «Славяне все более и более привлекали внимание Европы; все менее и менее допустимым становилось, чтобы университет продолжал совершенно игнорировать славянский вопрос»¹. При этом законопроект о славянской кафедре все же не встретил единодушного одобрения в камере депутатов. «Казалось, что говорят о народах неизвестных или не имеющих никакого значения, и однако речь шла о нациях, которые в наших войнах показали себя самыми грозными нашими противниками и самыми великодушными друзьями, о нациях, чье имя с тех пор не раз звучало в наших ушах угрозой или упреком, — о русских и поляках, а вместе с ними о многочисленных народах, прошлое которых было не лишено славы, а будущее представляет одну из серьезнейших проблем в нашей политической судьбе; в конечном счете — о целой половине Европы, даже еще сегодня не принимаемой в расчет, но о которой более уже невозможно забывать», — с недоумением писал по этому поводу обозреватель журнала «Semeur»². Неоднозначно было воспринято и назначение профессором на кафедру в Collège de France Адама Мицкевича. Так, враждебная Мицкевичу газета «Nowa Polska» в октябре 1840 г. называла Мицкевича «менее всего соответствующим» предлагаемому месту, которое по справедливости должно было бы достаться, например, Вацлаву Ганке, Павелу Йосефу Шафарику, Йосефу Юнгману, Яну Коллару или, и в первую очередь, Иоахиму Лелевелю³.

¹ Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967. P. 167.

² Le Semeur. 1841. T. 10. № 3 (20 janvier). P. 22 (статья А. Лебра «Littérature slave. Cours de M. Mickiewicz»).

³ См.: Makowiecka Z. Mickiewicz w Collège de France. Warszawa, 1868 (Kronika życia i twórczosci Mickiewicza: Październik 1840 — maj 1844). S. 25.

Разумеется, газетный пассаж носил чисто риторический характер: Лелевель не мог занять кафедры, хотя бы уже потому, что в декабре 1832 г. под давлением петербургских властей был выслан из Франции, назначение Мицкевича уже состоялось, и вообще неизвестно, рассматривались ли во французском министерстве какие-нибудь альтернативные кандидаты. Но в ряду ученых, известных своими занятиями и разысканиями в области славистики, Мицкевич, несомненно, выглядел дилетантом.

Впрочем, большой беды в этом не было. Лекции в Collège de France были публичными и собирали большую и разнообразную аудиторию, значительную часть которой составляли представители светского общества. Вдохновенные импровизации Мицкевича (стоит заметить, вовсе не исключавшие предварительную работу и штудирование специальной литературы) скорее могли увлечь славянской темой многочисленных и в подавляющем своем большинстве совершенно не подготовленных слушателей, чем это сделало бы строго академическое изложение материала. «Те, кто никогда не слышали автора “Книг польского пилигримства” на его кафедре, не могут представить себе этого красноречия, одновременно мистического и основанного на размышлении, возвышенного и безыскусного. Стоя, опершись на трость, подавшись вперед, с вдохновенным взглядом, взволнованным и проникновенным голосом, с внешностью божественного визионера, он часто произносил речи, исполненные исключительного здравомыслия и самого практического разума. <...> Фраза порой грешила против грамматики и всегда произносилась с акцентом; но какое красноречие, подлинное и патетическое!» — описывал по горячим следам свои впечатления от лекций Мицкевича молодой Альфред Дюмениль, будущий преподаватель Collège de France⁴.

Во французских министерских кругах были некоторые опасения, что лекции Мицкевича могут приобрести нежелательное политическое значение. В письме к Мицкевичу от 10 апреля 1840 г. Виктор Кузен всячески просил его сдерживаться: «Ваше появление на публичной кафедре в Париже само по себе было бы событием большой политической важности. — Но я обязан думать и действительно думаю только о науке и литературе. В данном случае я также имею в виду лишь литературное дело и ничего больше. Я говорю с вами об этом как честный человек с честным человеком. Поляки составляют в Париже группу, которая по праву возбуждает благородные симпатии молодежи. Эти симпатии естественно будут перенесены на вас, но я горячо желаю, чтобы стиль вашего преподавания, ук-

⁴ Цит. по: *Le Guillou L. Mickiewicz entre Lamennais et Michelet // Le Verbe et l'Histoire: Mickiewicz, la France et l'Europe / Sous la direction de F.-X. Coquin et M. Masłowski. Paris, 2002. P. 219.*

репляя то высокое уважение, которым вы заслуженно пользуетесь, придал бы новой кафедре тот исключительно литературный характер, который ей подобает»⁵. То, что польская эмиграция, действительно, возлагала на курс Мицкевича определенные политические надежды, следует из слов князя Адама Чарторыйского, убеждавшего Мицкевича принять кафедру: «Открывать все наши мысли, конечно, не следует, в начале надо быть особенно осторожным. <...> Не только в интересах эмиграции, но и в интересах всей Польши, я бы сказал — всего славянского мира, вы обязаны, по-моему, принять этот пост, на котором вы сотворите много добра и не меньше предотвратите зла...»⁶.

Мицкевич, хотя и отказался дать французскому министерству какие-либо гарантии своей политической лояльности, выразил в то же время совершенную готовность «строго ограничить себя пределами науки»⁷. На протяжении всего своего преподавания он старался избегать явных политических рассуждений, понимая, что не оправдывает ожиданий соотечественников. «Главная неприятность моего положения состоит в том, что я нахожусь среди эмиграции, — жаловался он в письме брату Францишку 3 марта 1841 г. — Ты не можешь и вообразить, какое горе с этими людьми, замкнувшимися в таком печальном положении. Всякий днем и ночью выдумывает политические проекты и бесится, не в силах привлечь других на свою сторону. Ходят наши и на мои лекции, но только затем, чтобы выведать, к какой партии я принадлежу: аристократ или демократ? И сердятся, что я им не говорю о политике»⁸. Мицкевич легко отказался от политики: он ставил перед собой задачу донести до слушателей совершенно определенный набор идей и представлений, далеко выходящих за рамки текущего политического момента.

Славянский дискурс в Западной Европе имел одну особенность: не только полное незнание европейской аудиторией славянского мира, но и твердое нежелание вообще признавать славян равноправными участниками европейской цивилизации. «...Вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружения разума в мире», — твердо заявлял Гегель в лекциях по философии истории⁹. Это порождало определенную дискурсивную модель: не только стремление убедить Запад в равной ценности славянской цивилизации, но выявить в ней некие иные, противостоящие западным начала,

⁵ Цит. по: *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 671–672.

⁶ Там же. С. 673–674.

⁷ Там же. С. 509.

⁸ Там же. С. 515.

⁹ *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории / Пер. с нем. А. М. Воде-на. СПб., 1993. С. 368.

прикосновение к которым позволило бы понять и «особый путь» славян во всемирной истории и роль, возложенную на них Провидением. Именно мысль о провиденциальной роли славянских народов явилась основной, так сказать, «ненаучной» составляющей лекций Мицкевича. Она присутствовала и в развившейся примерно в те же годы историсофской доктрине русских славянофилов. Исходной точкой всех этих идейных течений был тезис о кризисном состоянии западноевропейской цивилизации. Достигнув предела в своем развитии, в торжестве своего рационализма и индивидуалистических представлений о свободе личности, она охвачена хаосом и идейным брожением и необходимо должна обогатиться новыми духовными началами. Эти-то начала и может дать Европе славянский мир.

Первая лекция Мицкевича состоялась 22 декабря 1840 г. Всего за четыре неполных «семестра» преподавания (обычно с декабря по июнь; последний закончился 28 мая 1844 г.) он прочел более ста лекций¹⁰. Тема исторической миссии славян подспудно была заявлена в первой же лекции, где Мицкевич представлял слушателям некоторые резоны изучения славянской культуры. «Все народы уже сказали свое последнее слово; теперь, славяне, приходит наш черед», — цитировал Мицкевич Яна Коллара и продолжал: «Мне кажется, голос славян не однажды уже звучал, звучал на свой лад, в ударах копий, в пушечных выстрелах. Разумно было бы попытаться проникнуть в смысл их речей»¹¹. Мицкевич обращался главным образом к французской части аудитории, говорил как бы от ее имени:

¹⁰ Полное пятитомное издание лекций вышло в 1849 г. в Париже: *Les Slaves. Cours professé au Collège de France, par Adam Mickiewicz et publié d'après les notes sténographiées*. Paris: Au comptoir des Imprimeurs-Unis, 1849. Мицкевич читал лекции по-французски. Основой для издания послужили стенографические записи, авторизованные и частью отредактированные автором при подготовке издания. Ранее в 1842–1843 гг., также в Париже, вышло польское издание двух первых годовых курсов, составленное из переводов Ф. Вротновского, делавшихся с французских стенограмм и печатавшихся по ходу лекций в парижской польской газете «*Dziennik Narodowy*». В 1843 г. в Лейпциге были напечатаны два первых годовых курса в немецком переводе Г. Зигфрида. В 1845 г. в Париже при участии Мицкевича изданы третий и четвертый годовые курсы; они были перепечатаны в т. 4-м и 5-м издания 1849 г. Издание 1849 г. является наиболее полным и авторитетным и послужило основой для всех дальнейших переизданий. В современных польских собраниях Мицкевича печатается «интегральный» текст, гипотетически реконструированный Л. Плошевским на основе французского издания, сохранившихся подготовительных записей Мицкевича и заметок современников.

¹¹ *Les Slaves. Cours professé au Collège de France, par Adam Mickiewicz...* Paris, 1849. T. 1. P. 9–10.

«На просвещенных народах перед лицом потомства лежит долг осветить факелом истории народы менее цивилизованные. Все, что нам известно о варварах, мы узнали от греков и римлян. В эпоху величия Римской империи Тацит составил очень краткое описание германцев; его слова служат для нас источником драгоценных и многочисленных сведений. Из рассуждений и комментариев, написанных по поводу нескольких строк Тацита, сегодня могла бы составиться целая библиотека. Мы, которые происходим от варваров и заняли место греков и римлян, мы сожалеем об их лаконизме в отношении наших предков. Не будем подвергать себя тому же упреку со стороны потомства. Славяне оказывали и сейчас оказывают давление на Запад. Из их стран вышли те орды, которые разрушили Рим, Рим, не желавший думать о варварах, в то время как варвары жадно интересовались всем, что происходит в Риме! Не будем подражать вечному городу, не будем презирать варваров!»¹²

С одной стороны даже неискушенный слушатель без труда узнавал здесь идеи панславизма. С другой, тема новых варваров, готовых завоевать Европу, была общим местом тех французских сочинений, которые посвящались России. Есть мнение, что само назначение Мицкевича профессором не «славянских литератур», а «славянской литературы» (тогда как в действительности у славян существовали различные национальные литературы, не сводимые в единую литературную традицию, прежде всего, конечно, наиболее богатые — русская и польская) было вызвано априорным нежеланием французских властей акцентировать внимание на отсутствии единства внутри славянского мира, избегая тем самым вопроса о русско-польских отношениях¹³. Мицкевич к некоторому неудовольствию польской части своей аудитории на протяжении всего курса достаточно твердо избегал прямой политики и, как правило, подчеркнуто старался говорить о славянском мире в целом. И все же тема извечного антагонизма русских и поляков проходила через все его лекции.

«Новейшая история славян тесно связана с новейшей историей Запада. Недавно еще мы видели одну славянскую армию (русскую) на полях всех битв, во всех столицах Европы. И где бы она ни появлялась, эта армия могла быть уверена, что встретит другую славянскую армию (польские легионы), выраставшую, словно из-под земли, как мстительная тень, встававшую на ее пути в Италии, следовавшую за ней

¹² Там же. Р. 10.

¹³ См.: *Dernałowicz M. La slavophilie avant les cours de Mickiewicz au Collège de France // Le Verbe et l'Histoire. P. 171.*

от Немана до Москвы, потом вернувшуюся, чтобы преградить ей переход через Березину, и встретившую ее под стенами Парижа. И после падения героя века, когда вся Европа успокоилась, мы видели, как эта армия вдруг появилась вновь, чтобы нанести удар по русской армии в самом ее лагере, вступить с ней в страшную схватку, наполнить мир шумом, всколыхнуть и свои, и чужие народы, друзей и недругов, внушить им жгучую неприязнь или еще более горячую симпатию, исчезнуть, наконец, оставив за собой долгий отголосок скорби и славы. Повсюду русский орел встречал польского; всегда вслед русскому ура звучал польский военный клич. Обратимся в прошедшее, что доносится оттуда? Так, это длящееся эхо борьбы, где две армии сражаются часто за дело по видимости им чуждое, не выставляя своего знамени, где они узнают друг друга только, как сказал поэт, по силе ударов...»¹⁴

Это противостояние, согласно Мицкевичу, было стержневым в развитии всей славянской цивилизации.

«...Польша и Россия представляют собой не только две территории, но две идеи, обращающиеся среди славянских народов, идеи, которые в своей реализации тяготеют к абсолютному господству и взаимоисключению. В перипетиях увлекающей их борьбы разные страны и их обитатели склоняются то к одной, то к другой из этих идей, и первоначальный языческий дуализм расы и языка черпает здесь новый элемент развития. Нет племени, нет славянской земли, где нельзя было бы распознать представителей этих двух враждебных партий. Охарактеризовать эти две тенденции, связать их с двумя различными центрами, соотносить с движением двух противостоящих друг другу сущностей можно только, исходя из духовных начал. Поскольку это общее движение происходит в совершенно разных направлениях, то и результатом его являются две религии, два диалекта, два алфавита, две диаметрально противоположные формы правления»¹⁵.

Если идеи панславизма, высказывавшиеся Мицкевичем, заведомо не могли принадлежать «русскому панславизму», суть которого заключалась в объединении всех славянских народов под эгидой России, то вопреки ожиданиям не вписывались они и в «панславизм славянский», проповедовавший союз славян без России и даже в оппозиции к ней¹⁶. Мицкевич выступил представителем не са-

¹⁴ Les Slaves. T.1. P. 11.

¹⁵ Там же. P. 97–98 (8-я лекция, 22 января 1841 г.).

¹⁶ В целом к этому роду панславизма тяготела аристократическая партия Великой эмиграции во главе с князем Чарторыйским. Ее приверженцы

мого популярного направления в панславизме, доктрина которого заключалась в построении будущего славянского мира на основе примирения России и Польши. В этих двух главных представителях славянской расы сосредоточилась ее духовная активность. Поэтому Мицкевич не только не исключал Россию из процесса славянской эмансипации, но наряду с Польшей рассматривал как одну из двух главных движущих сил этого процесса — процесса, который должен был принести обновление всему европейскому миру.

И русские, и поляки, были поставлены в типологически сходные отношения к западному миру. Одну из важнейших предпосылок будущей миссии России и Польши Мицкевич (как и русские славянофилы) видел в том, что обе страны, хотя и каждая по-своему, в своем социальном развитии шли путем, отличным от западноевропейского: им была равно чужда «германская» идея государственности, основанная на формальном римском праве и общественном договоре.

«Посреди Севера, на землях опустошенных монголами княжеств, воздвиглась новая держава, Великое княжество Московское. Его жизненные ресурсы, цели, планы, силы были определены *духом* великих людей, сменявших друг друга на этой земле. Мы бы сказали, что дух Аттилы, Чингисхана, Тамерлана последовательно воплощается в правящих династиях Великого герцогства Московского <...> дух великий, гордый, всегда уверенный в себе, находящий опору в себе самом. <...> ...Он истребляет вокруг себя все — семью, княжества, племена. Звук литовского рога, татарское *алла*, некогда пробудившие славян, сменилось теперь одним — словом *указ*. Это слово производит на северных славян одинаковое пугающее действие, оно сковывает их ужасом и бросает их вперед. Это слово-лозунг, воплощение дьявольского духа, не довольствуется северными владениями, не позволяет русским замкнуться в географических границах их государства; оно бросает их на татар, толкает к Дунаю, побуждает идти на Польшу. Правит дух государя, дух государя является двигателем и конечной точкой любого действия. Это осознается всеми, и слово *служба* является девизом России. Тот, кто не служит своему государю, лишен гражданских прав, подоб-

рассматривали объединение славянских народов во главе с Польшей как средство остановить русскую экспансию. Горячим сторонником «славянского панславизма» был также и сменивший Мицкевича в 1845 г. на кафедре Collège de France Сиприан Робер. См. о нем, например: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes*. P. 247–248; *Бальзак О. де*. Письмо о Киеве // Пинакотекa (Pinakothêkê). [2002]. № 13/14 (2001. № 1/2). Прилож. С. 22, коммент. В. А. Мильчиной.

но рабу, он не принадлежит к государству. Суверен, со своей стороны, никак не зависит от государства; он не связан никаким конституционным пактом, он располагает тронном, как хочет, может даже передать его любому стороннему лицу; он может изменить форму правления. Мы уже упоминали великого князя Ивана Грозного, который, по своей прихоти, провозгласил некоего татарина великим князем московским и спокойно жил как частное лицо в своем владении, откуда по своему усмотрению правил Россией, пока не решил сместить великого князя, которого сам сотворил. Напомню также пример царя Петра, который, еще будучи великим князем, назначил себе заместителя, князь-папу Ромодановского. Строго говоря, русский император мог бы в эту эпоху ввести в своей империи республиканское правление, остаться без гвардии и войска и, однако, всегда иметь возможность низвергнуть это образование, поскольку на славянской земле не существовало еще силы, которая могла бы ему противостоять. Император ничего не должен своим подданным, он имеет право на все виды их службы; он считает их обязанными себе, он не вознаграждает их. Следует отметить здесь невежество западных писателей, которые, судят об этой империи, находясь в плену собственных идей, и сомневаются в ее могуществе, то, считая ее слишком бедной, то, думая, что она будет остановлена в своем движении “боярами”, или не знаю еще какой кастой знати, которой не существует и никогда не существовало. Напомню вам, что, по понятиям монголов, солдат обязан своему суверену. Государь не платит в России за службу: вознаграждение, которое получают слуги и солдаты, зовется *жалованье* — знак милости или благосклонности, собственно говоря, дар благодворения. Это благодеяние, которое император оказывает своим подданным. Общественные *институты* в современном значении этого слова не существуют в России: эта страна управляется *духовно*. Многие прекрасные публицисты это уже отмечали. Один французский писатель в своей книге о России пишет как раз об этом: “Здесь есть нечто, что не принадлежит целиком сфере человека; есть моральное влияние, источник которого лежит за пределами узких комбинаций политики”.

Именно этим ужасным духом воспользовалось Провидение, чтобы взыскать с этой расы за ее изъяны и ее усовершенствовать. Она поставлена перед необходимостью быть постоянно начеку, в состоянии внутренней работы, стараться угадать мысль своего государя и с ней сообразоваться. Поэтому и из всех живущих на севере славян наиболее развит, наиболее организован, наиболее способен постигать и про-

изводить великие вещи русский солдат. Он черпает у своего государя моральную силу»¹⁷.

Нет оснований обсуждать тенденциозность и разбирать исторические несоответствия созданного Мицкевичем образа России. Россия воплощала в его концепции своего рода «физическую мощь» славянской расы, и важным было то, что сила эта управляется не рационалистическими законами, а неким внутренним, духовным началом. Действие морального императива, хотя и совершенно иного, видел Мицкевич и в польской истории, рисуя опять же далекую от действительности и гораздо более идеализированную картину.

«Польша со своими столь разнообразными и необыкновенными на вид институтами составляет оппозицию России. С мифических времен, с короля-крестьянина, выбираемого на празднике общим голосом свободных и веселых сограждан, судьбы государства здесь не решались отдельным человеком. Мы не видим здесь династии, судьба которой была бы необходимо связана с судьбой страны. Мы напрасно искали бы здесь единый движущий центр. Ничто не делается отдельным человеком, все совершается коллегиально. Польская нация зародилась в коллегиальности, в собрании свободных людей (сеймик). История Польши — это последовательность различных сеймиков, собиравшихся то вместе, то раздельно, часто высказывавших противоположные мнения, порой прямо враждебные друг другу, действовавших, так сказать, без точно установленной цели. Существует, однако, нравственный центр, — то, что называют большим или свободным собором, *сейм*.

Рассмотрим компетенцию и манеру действия этой ассамблеи.

Она не схожа ни с какой другой политической институцией; она имеет ту же природу, что церковные соборы; она не творит законов, не выносит постановлений; не имеет никакой исполнительной власти. Она собирается, чтобы решить политическую проблему и определить ее моральное содержа-

¹⁷ Les Slaves. Т. 4. Р. 484–487 (25-я лекция третьего семестра, 27 июня 1843 г.). Курс Мицкевича делился на две части. Лекции первых двух семестров (декабрь 1840 — июль 1842 г.) вошли в первые три тома издания 1849 г. Они имеют сквозную нумерацию, подчеркивающую единство этой части курса. Третий (с 6 декабря 1842 г. по 27 июня 1843 г.) и четвертый (с 22 декабря 1843 г. по 28 мая 1844 г.) семестры имеют каждый свою особую нумерацию лекций и свое заглавие — соответственно, «Официальная церковь и Мессианизм» («L'Église officielle et le Messianisme») и «Церковь и Мессия» («L'Église et le Messie»).

ние. В давние времена в ней употреблялась формула: “Те, кто будут поступать не так, будут преданы анафеме”. Скажем, идет речь о войне. Сейм обсуждает, правовую сторону этой войны. Сейм требует от своих послов тщательного дознания в этом отношении. Таким вот образом множество раз отклонялись предложения городов и жителей, искавших присоединиться к Польше, поскольку сейм не находил законных причин отобрать их у прежних владельцев. Решив нравственную проблему, сейм прекращает свою деятельность. Тогда каждый призывается осуществлять вынесенное в пользу войны решение в меру своих сил и средств. У поляков каждый свободный человек имел право воевать с иноземцами, но *возложив полную ответственность на себя*. Республика не обладала средствами запретить гражданину воевать. Если иностранец принес жалобу, она позволяла ему иногда преследовать обидчика даже на землях республики, но экстрадиции не существовало. Когда сейм признавал войну справедливой и необходимой, каждый, следуя совести, шел на врага. Предполагалось, что сейм, созывавшийся регулярно, *вдохновляется Святым Духом*. Это основополагающий принцип польской конституции. Каждый участник имел право наложить *вето* и остановить ход сейма: факт необыкновенный, но в течение многих веков никто не осмеливался воспользоваться этим правом. Король избирался сеймом по внушению Святого Духа. Каждый свободный человек <...> мог быть избран; но кандидату запрещалось объявлять о своих притязаниях, искать сторонников, прибегать к так называемым убеждениям, махинациям и интригам. Это все расценивалось как грех. Король, избранный таким образом, почитался воплощением связи между религией и политикой. Его особа была священна, он имел многие атрибуты священнослужителя. Считалось, что через него благословляется нация; от него требовалось быть святым и добрым: святость была первым условием, деятельность, энергия, умение вести дела — вторичными качествами. Король не мог творить зло, он не мог никого обидеть, и даже в ходе междоусобных войн его политические враги говорили о нем не иначе как с уважением, преклонив колена и поднеся руку к шапке. И действительно, польская история не может поставить своим королям в упрек никаких преступлений. Это уважение к королю было глубоко укоренено в народном мнении. <...>

Что касается финансов, они управлялись таким же образом. Мысль, что все деньги страны должны стекаться в казну, что нормальное состояние общества это то, при котором с человека постоянно взимаются налоги, эта мысль была Польше незнакома: сейм устанавливал добровольные и временные сборы. По их утверждению часто богатые люди сразу вносили требуемую сумму, получали расписку и отправлялись

за возмещением к соотечественникам. Не было оплачиваемых казной должностей, городского управления на жалованье, служащих. <...>

Судебная система основывалась на той же идее. Чаще всего справедливость дела решали сеймики, иногда суды, и их уполномоченный, нечто вроде военного герольда, обращался ко всем людям доброй воли, требуя исполнения постановления суда. Он настаивал на повиновении и самого виновного, и в истории Польши находят примеры, когда люди, обладавшие большой властью и силой, добровольно предавали себя в руки правосудия. Даже больше: преступники, находящиеся за пределами страны, являлись предать перед судьей, чтобы быть обезглавленными. Их не подвергали заточению, их оставляли в покое, давая только им время подготовиться к смерти, поскольку благородный человек, бежавший от приговора суда, считался бы бесчестным и малодушным: общественное мнение преследовало бы его, как преследует сегодня тех, кто уклоняется от дуэли. Без учета этого религиозного императива в истории Польши невозможно разобраться. <...>

В чем же состояла тенденция всех этих установлений, какой был их внутренний смысл? Он заключался в развитии человеческого духа, в пробуждении в человеке чувства собственного достоинства и понимания в каждое мгновение своих обязанностей.

Свободный человек у поляков не мог переложить все трудности на сейм или сеймик; после вынесения высшего решения он обязан был взвесить его снова, оценить его значение, справедливость, чтобы действовать согласно своему убеждению. Он по своей воле становился судьей, солдатом, исполнителем, и его обязанности длились столько, сколько было угодно его доброй воле. Нигде в мире не найдется примера столь большой свободы, предоставленной личности. Я не знаю институтов, более пригодных к тому, чтобы приучить человека к свободе, чтобы все время возвышать его над материальными интересами»¹⁸.

Глубокая идеалистичность польской социальной модели, собственно, и погубила польскую государственность. Эта модель была отторгнута Европой. «...Вся Европа руководствовалась иными идеями; Европа становилась материалистической, схоластической, формалистической, метафизической; она не могла понять столь разнообразной и многосложной жизни: она называла это беспорядком. Она ополчилась на Польшу»¹⁹. С другой стороны, и сами поляки

¹⁸ Les Slaves. Т.4. Р. 487–495 (25-я лекция третьего семестра, 27 июня 1843 г.).

¹⁹ Idid. Р. 497.

не смогли соответствовать своему идеалу. «...Король хотел пользоваться любовью своих подданных и незнакомой другим европейским монархам безопасностью, магнаты упивались богатством и популярностью; в эпоху последних королей саксонского дома Польша являла собой <...> сплошной ярмарочный праздник; пили, славили друг друга, опьянялись радостью и надеждой; и в этих утехам забыли о судьбе трудящихся бедняков»²⁰. Шляхта, превратившаяся в замкнутую касту, сама погубила себя и Польшу. Основной идеей русской государственности можно считать стремление к «собиранию земель», а структурообразующим социальным принципом — нивелирование, подчинение индивидуального коллективному. Польша дала миру образец общественно-политической модели, основанной на принципах личной свободы и добровольного объединения.

«Сегодня все славянские народы находятся в торжественном ожидании и предчувствии новой эпохи, — резюмировал журнал «Le Semeur» историческую программу Мицкевича при открытии второго семестра на кафедре «Collège de France». — Какая судьба им определена? Будет ли ими руководствовать русский завоевательный дух, или же они последуют тем благородным идеям будущего устройства, средоточием которых является рыцарский культ Польши, которые русские называют мечтой, богемцы утопией, но которые на самом деле представляют собой только идеал? Какая из идей, занимающих теперь старую Европу, более всего близка мысли славянских народов, какая встретит у них наиболее симпатии, на какой должны согласиться все европейские народы? Эти вопросы столь волнующие животрепещущи и в то же время касаются отдаленного будущего. Г-н Мицкевич отложил их до второй части своего курса, и мы с нетерпением ждем его ответа на них»²¹.

Ответ Мицкевича вряд ли мог удовлетворить большую часть его слушателей, традиционно видевших историческую роль Польши в том, что она служит своего рода барьером, защищающим западноевропейские цивилизацию и свободы от агрессивной русской автократии²². По Мицкевичу, длительное историческое сосуществование рядом двух моделей славянской государственности, привело к их взаимному изменению, к осознанию недостаточности каждой из них в отдельности.

«...Великая борьба между тремя мифическими братьями, между Русом, Лехом и Чехом, в нравственном плане окончена»

²⁰ Idid. P. 499–500.

²¹ Le Semeur. 1841. Т. 10, № 51 (22 décembre). P. 408.

²² См., например: Zaleski Z. L. L'alliance franco-russe et la Pologne // Zaleski Z. L. Le Dilemme russo-polonais, l'alliance franco-russe et la Pologne, les deux conceptions de l'ordre et de la liberté. Paris, 1920. P. 186.

на; все трое мертвы! Напрасно старались бы сегодня двинуть эти народы один на другой во имя их прежней национальной ненависти. Люди, запоздалые в прошлом, еще рассчитывают на это, но, повторяю, три патриарха мертвы, и взгляды славянских народов устремлены к небу и к земле в ожидании того, кто соберет их наследство»²³.

Снимая в исторической перспективе тему вечного противостояния Польши и России, Мицкевич следовал логике историософской концепции, которая постепенно формировалась у него на протяжении 1830-х гг., после религиозного перелома, произошедшего в 1830 г. в Риме, в значительной мере под влиянием Ф. Р. де Ламенне. В самом общем определении это было движение от политической идеи к религиозной, от открытой политической, публицистической борьбы за восстановление целостности и независимости Польши к идее восстановления Польши как естественного следствия общеевропейского религиозного и нравственного возрождения. Кампания в поддержку Польши, развернутая Ламенне на страницах его журнала «L'Avenir» проходила под лозунгом борьбы за свободную католическую Польшу²⁴. Польше, в отличие от других европейских стран, удалось сохранить в течение XVII–XVIII вв. чистоту католической идеи, и происходящие в ней события возвещают человечеству новую эру, ознаменованную возвышенным союзом Бога и свободы, утверждал Ламенне, приветствуя восстание 1830 г. Начиная Мицкевич, как и Ламенне, с идей чистого католицизма. Вскоре после личного знакомства с Ламенне Мицкевич писал Иоахиму Лелевелю 23 марта 1832 г.:

²³ Idid. P. 501.

²⁴ Именно Ф. Ламенне и графу Ш. де Монталамберу, кстати, принадлежала первая попытка предоставить Мицкевичу публичную кафедру в Париже. Весной 1833 г. Ламенне и Монталамбер задумались об учебном заведении для детей польских эмигрантов. Их проект предполагал создание двухступенчатого института: коллежа для учеников 9–15 лет и высшей школы для студентов 15–20 лет. В достаточно широкой образовательной программе своего института Ламенне и Монталамбер отводили одно из центральных мест изучению польского языка, литературы и истории. Преподаватели должны были набираться примерно поровну из поляков и французов, а общее руководство создатели хотели возложить на Мицкевича. Тогда речь шла о не подчиненном университету учебном заведении, ориентированном в первую очередь на поляков. Идея и не была реализована в основном из-за отсутствия у польской диаспоры во Франции необходимых средств. См. подробнее: *Perrin P. Charles de Montalembert et Félicité Lamennais: un projet de fondation d'un institut polonais; une correspondance d'avril à juillet 1833 entre Paris et la Chênais // Centre d'étude des correspondances et journaux intimes des XIX-e — XX-e siècles. 1999. Cahier 2: Correspondance et maître: la relation maître-disciple dans les lettres. P. 11–20.*

«Здесь всеобщие жалобы на раздоры, которые легко было предвидеть, потому что они вынесены из Варшавы и лишь созревают во Франции. Мне кажется, что одни возлагают надежды на французское правительство, другие — на народ или на людей du mouvement²⁵. Я обе эти французские партии считаю шайкой деморализованных эгоистов и ничего от них не жду. Франция, по-моему, — это Афины времен Демосфена; они будут кричать, сменять ораторов и вождей, но никогда не излечатся, ибо рак точит их сердца. Я возлагаю огромные надежды на наш народ и на ход событий, не предвиденный никакой дипломатией. <...> Я полагал бы только, что нашим стремлениям надлежит придать религиозно-нравственный характер, разнящийся от финансового либерализма французов, и что в основу надобно положить католицизм. Знаком ли ты с сочинениями Ламеннэ? Это единственный француз, который искренне плакал над нами, его слезы были единственными, которые я видел в Париже. Пребывание в Польше и то, что я слышал о Силезии, утвердило меня в этих принципах. Быть может, наш народ призван проповедовать народам евангелие народности, морали и религии, презрение к бюджетам, — единственному принципу нынешней политики, уж подлинно таможенной. Самые ученые французы не чувствуют ни патриотизма, ни увлечения свободой; они рассуждают о них»²⁶.

В 1835 г. при ближайшем участии Мицкевича был основан политически-религиозный союз «Объединенных братьев» («Frères-Unis»), декларировавший в своей программе помимо всего прочего идею духовного единства славянского мира. «К 1835 г. в Польше и в эмиграции вновь заговорил голос крови, заглушенный на время братоубийственной борьбой 1830–1831 гг. <...> В Польше идеалистический национализм вновь отвоевал свои позиции, поколебленные политической и военной агрессией со стороны братского народа, и провозгласил, что спасение польской нации нерасторжимо связано с духовными путями, предначертанными Россией и другим славянским народам»²⁷. «Объединенные братья» переросли год спустя в более

²⁵ Движения (*франц.*). Так называемая партия Движения (*partie du mouvement*) объединяла несколько группировок внутри Великой эмиграции, в целом отличающихся демократическим направлением, поддерживавших контакты с «Юной Италией», «Молодой Германией» и проч.

²⁶ Цит. по: Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. С. 456–457.

²⁷ *Desmettre H.* Towiański et le Messianisme polonais. T. 1. : Histoire et critique des aspects philosophiques et théologiques du Messianisme polonais de 1800 à 1850. Thèse de doctorat présentée à la Faculté de théologie de Lille. Lille, 1947. P. 199.

широкую организацию «Братство для служения нации» («Fraternité pour le Service de la Nation»), на основе которой в 1842 г. оформился утвержденный Римом религиозный орден «ресуррекционистов» («des Pères de la Résurrection du Seigneur»).

Польская эмиграция во Франции в общих чертах повторила внутреннюю историю круга «L'Avenir». У самого Ламенне стремление к соединению христианской и социалистической идеи предопределило разрыв с церковной иерархией. Его ближайшие соратники искали свой путь в борьбе за лучшее будущее европейского общества и политическую свободу, не порывая с римской церковью — в обновленном бенедиктинстве (круг аббатства Солесм), в возрождении доминиканского ордена (Ж. Б. А. Лакордер). Сходные тенденции прослеживаются и в истории польских «Объединенных братьев». Одна их часть, группировавшаяся вокруг Богдана Янского, видела дальнейший путь Европы в медленном и постепенном нравственном усовершенствовании, руководителем в котором должен был выступать традиционный католицизм, очищенный и одушевленный новым энтузиазмом. Другая считала восстановление Польши необходимой частью революционного процесса освобождения народов, называя сторонников Янского «апостолами папизма» и «иезуитской конгрегацией», обвиняя их в монархизме, ненависти к революции, поддержке аристократических доктрин и австрийских и русских имперских амбиций: «...они подчинились авторитету папы и приказывают молиться за Польшу»²⁸.

Мицкевич, сохраняя, впрочем, тесные личные связи со своими прежними идейными соратниками, не примкнул ни к ресуррекционистам, ни к крайним демократам. Он пошел с той частью «Братства», которая отступила от ортодоксального католицизма и двинулась в сторону внеконфессионального евангелического христианства. В современном римском католицизме (впрочем, со своей стороны также отвергшем Мицкевича²⁹) он видел такое же не предустановленное Богом дело рук человеческих, каким являлись для него современные государства. В христианском социализме Ламенне и его последователей находил следы одного из главных пороков европейского общества — расчетливого рационализма. «Мы были несходны с ним по духу и настроению, — писал Мицкевич о Ламенне в одном из писем 1842 г. — Ксендз Ламенне все основывал на рассуждении, на полемике, на интригах и т. д. Это был сухой, рациональный богослов. Веру, основанную чудесами, кровью и вос-

²⁸ См.: *Desmettre H.* Towiański et le Messianisme polonais. Т. 1. Р. 209–210.

²⁹ В июле 1834 г. «Книги народа польского и польского пилигримства» были внесены папским распоряжением в индекс запрещенных церковью книг.

кресением из мертвых, он хотел достроить газетами, брошюрами и учреждениями политических обществ»³⁰.

Различие церковей внутри славянских народов, которое Мицкевич, разумеется, не мог обойти в своих лекциях, не представлялось ему препятствием к будущему славянскому единству. В свете его проповеди возвращения к основным христианским заветам братской любви и свободы историческое разделение христианской церкви теряло какое-либо значение. Тем самым преодолевался и самый уязвимый пункт всех панславистских концепций, мешавший мысли о славянском единстве, например, у русских славянофилов.

«Сказанное нами о духе славянских народов в целом позволяет убедиться, что они подготовлены Провидением к принятию нового слова. Эта раса, душевные силы которой не изнурены ни интеллектуальными достижениями, ни промышленностью, сохраняет чистое и глубокое религиозное чувство и, конечно, не удовлетворится никакой из известных на сегодняшний день политических форм»³¹.

В цитированном выше письме Мицкевича к Лелевелю набор обвинений, предъявленных современным французам, а в их лице

³⁰ Цит. по: *Мицкевич А.* Книги народа польского и польского пилигримства / Перев. и примеч. А. К. Виноградова. М., 1917. С. 113. В те же дни, кстати, когда Мицкевич читал свои первые лекции в Collège de France в Париже проходил судебный процесс над Ф. Ламенне, возбужденный в связи с выходом его книги «Страна и правительство» («Le Pays et le Gouvernement»). Ламенне были предъявлены обвинения в возбуждении ненависти и презрения к правительству, разжигании вражды между разными социальными слоями общества, прокламировании неуважения к законам и «апологии вещей, осужденных как недопустимые» (см.: *Le Semeur*. 1840. Т. 9, № 53 (30 décembre). P. 424). Спустя немного времени из Рима в Париж приехал Ж. Б. А. Лакордер. О его проповеди, произнесенной в соборе Нотр-Дам в костюме святого Доминика с возмущением писал тот же «Semeur»: «О грехопадении, об искуплении, о вечности — ни слова. Вместо этого воздвигнут алтарь Франции. Бог знает какое надменное славословие в ее честь; и из уст священника вместо слов молитвы — крики нашей национальной гордости». Далее, обращаясь уже непосредственно к Лакордеру, автор статьи говорит: «...вы предали вместе и христианство, и Францию. Вы сделали поклонником самой опасной из наших страстей, поскольку она является самой укорененной и поскольку она мешает молитве, — речь идет о нашей национальной гордости. <...> Вы обосновываете в одно время христианское единство и национальные притязания, с ним не совместимые, свободу совести и долг государства силой поддерживать веру» (*Le Semeur*. 1841. Т. 10, № 8 (30 février). P. 57, 59).

³¹ *Les Slaves*. Т. 3. P. 244–245 (66-я лекция второго семестра, 17 мая 1842 г.).

и всей западноевропейской цивилизации, кроме традиционных — в рассудочности и рационализме — включает еще и обвинение в отсутствие патриотизма. Патриотизм в той или иной его форме во всех славянских историософских концепциях, в том числе и в концепции Мицкевича, являлся важным критерием в оценке нравственного здоровья нации. В отличие от Западной Европы славянские народы сохранили обостренное ощущение отечества и способность к переживанию своей национальной индивидуальности. Эти черты причем равно характерны и для русских, и для поляков. Разница в том, что над русскими, как неоднократно подчеркивал в своих лекциях Мицкевич, тяготеет идея государственности, понятие отечества и идея национальной самоидентификации неразрывно связана у них с понятием государства. Для поляков отечество — понятие прежде всего моральное. Борясь в течение многих десятилетий за свободу своей страны, они выработали в себе национальное чувство, независимое от материального, «географического» воплощения отечества.

Первичное различие двух понятий — нации как творения Бога и государства как человеческого установления — было одним из отправных пунктов польского мессианизма³². Познакомив своих слушателей к концу второго семестра с современным литературным движением в Польше и России, Мицкевич начал одну из заключительных лекций 28 июня 1842 г. вопросом: «Что составляет характеристическую национальную черту польской поэзии?». По его мнению, это «дух мессианизма», им проникнуты польская философия, поэзия и литература³³.

«Все столкновения между отдельными людьми и целыми народами проистекают из их эгоизма. Я и себялюбие одного борются с я и себялюбием другого. Все стремятся найти истину, но как можно найти ее, пока ты не отрекся от собственного эгоизма, от сознания собственной исключительности? Надо отказаться от своей выгоды, отрешиться от своей индивидуальности и своего я, чтобы верно оценить справедливую и несправедливую стороны дела. <...> Таким вот образом, принеся в жертву все мирские интересы, утвердилось Спасителем и святыми мучениками христианство в великом единстве Церкви»³⁴.

³² Ср., например, в проникнутой теми же идеями мессианизма поэме Зигмунда Красиньского «Утренняя заря» («Przedświt», 1843): разделение человечества на народы — необходимое божественное предустановление, подобное разделению музыкальных партий в общем хоре.

³³ Там же. Р. 348–349.

³⁴ Там же. Р. 350–351.

Современный мир, согласно философии польского мессианизма, стоит перед необходимостью христианизировать отношения между народами, по образу и подобию того как некогда христианское учение изменило отношения между людьми. Но какой из народов способен повести за собой другие по этому пути, как не тот, который через всю свою историю пронес уважение к человеческому духу, свободе и руководствовался понятиями совести и справедливости. Это, разумеется, польский народ.

«Великое расхождение во взглядах между Польшей и всеми философиями Запада заключается в идее европейской философии, <...> что новый, счастливый порядок вещей может утвердиться посредством прогресса и просвещения, какими-либо новыми доктринами, победой тех или иных мнений. В Польше же, напротив, верят, что этот порядок вещей будет достижением человеческой личности»³⁵.

Историческая миссия Польши — привнести христианскую идею в политику. Польский народ стал той искупительной жертвой, которую приносит современная Европа во имя будущего, и подобно Спасителю, он умирает, чтобы воскреснуть. Будущее Европы, таким образом, неразрывно связано с будущим славянской расы. «Вполне естественным представляется вывод, что славянская раса и, польский народ в частности, предназначены и приготовлены к тому, чтобы создать совершенно новое общество»³⁶.

* * *

Исследователи пишут о периоде преподавания Мицкевича в Collège de France не очень охотно и без воодушевления. В большинстве своем они склонны признавать какое-то научное и литературное значение лишь в лекциях первых двух курсов. В дальнейшем, согласно господствующему мнению, Мицкевич полностью подпал под влияние шарлатана и мистика дурного толка (общепринятые характеристики) Андрея Товианского и его лекции превратились в открытую проповедь польского мессианизма, ожидания грядущего мессии и проч. «С грустным чувством переходим мы к последней деятельности Мицкевича — к тому времени, когда он читал в Collège de France лекции о славянской литературе, с 1840 по 1844 год. Из этих лекций видно, как гениальный поэт, с самого начала, вступая на профессорскую кафедру, еще исполнен был могучею силою духа, но потом постепенно ослабевал, подавляемый борьбою душевных страданий и — горько вымолвить — признака-

³⁵ Там же. Р. 362.

³⁶ Там же. Р. 245.

ми умственного расстройтва...», — писал один из первых русских исследователей творчества Мицкевича П. П. Дубровский³⁷. «Следить за ходом идей в этом курсе (второй семестр — Е. Л.) и трудно, и нет надобности. Если уже и в прошлом году Мицкевич обнаружил большой дилетантизм в лекциях, то курс 1841–1842 года представляет тяжелую картину болезненного подчинения ума профессора одной навязчивой идее...», — словно вторит ему А. Л. Погодин³⁸. Впрочем, репутация лекций Мицкевича в России, сложившаяся еще в XIX в. и впоследствии не претерпевшая радикальных изменений, лучше всего характеризуется отсутствием сколько-нибудь представительного их русского перевода. Публиковавшиеся отрывки³⁹ не позволяют составить внятного представления, ни об их настоящем содержании, ни о религиозно-исторической концепции Мицкевича. Сходным образом обстоят дела и во Франции. А. Мазон в юбилейном издании Collège de France практически отказал курсу Мицкевича в научной ценности⁴⁰. Ш. Корбе высказался по их поводу почти в тоне цитированных выше русских ученых: «Увы! Он тотчас доказал, что великий поэт мог быть отвратительным профессором, и это доказательство принимало от года к году достаточно скандальный характер <...>. Литература не фигурирует в названии (курса лекций в издании 1849 г. — Е. Л.), ошеломленный читатель присутствует здесь при развитии мистического безумия, овладевшего Мицкевичем»⁴¹. Современное французское переиздание включает только лекции второго курса (1842 г.), напечатанные не в полном

³⁷ Дубровский П. П. Адам Мицкевич: Из очерков новейшей польской литературы. СПб., 1858. С. 153.

³⁸ Погодин А. Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество. М., 1912. Т. 2. С. 296.

³⁹ Помимо цитат приведенных в названных выше работах П. П. Дубровского (с. 154–174), пользовавшегося полным изданием польского перевода Вротновского (Paris, 1850–1851; 4 vol.), и А. Л. Погодина (Т. 2. С. 271–308), пользовавшегося польским (3-е изд. перевода Вротновского; 1865 г.) и немецким переводами, отрывки из курса славянских литератур вошли в пятитомное издание сочинений Мицкевича под редакцией П. Н. Полевого 1882–1883 гг.: Сочинения А. Мицкевича. СПб.; М., 1883. Т. 3. С. 149–396 (избранные лекции и отрывки из первых двух курсов в переводе с французского Р. Сементковского; во 2-м изд. — СПб.; М., 1902 — те же переводы вошли в т. 4); и в издание 1948–1954 гг.: Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 441–501 (отрывки из лекций первых трех курсов в переводе С. Семеновского, Ю. Кржижановского и Ю. Мирской с польского «интегрального» текста).

⁴⁰ Mazon A. Le Collège de France et les Études slaves // Le Collège de France (1530–1930). Paris, 1932. P. 410.

⁴¹ Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe... P. 168.

составе и с пропусками малоинтересных, с точки зрения издателей, для современного читателя, фрагментов⁴². Даже в Польше, отмечал С. Фишман, с ее национальным «культом» Мицкевича «вокруг его парижских лекций долгое время царило молчание» и даже еще к 60-м годам XX в., несмотря на появление ряда посвященных им специальных работ, ситуация принципиально не изменилась⁴³. В «Истории польской литературы» Чеслава Милоша курсу Мицкевича уделено всего несколько строк, заканчивающихся замечанием, что Мицкевич перенес свой мистический энтузиазм на педагогическую почву, «превратил университетскую кафедру в кафедру проповедника, откуда провозглашал свои новые политико-религиозные верования», и кончил тем, что приведенное в отчаяние французское правительство было вынуждено удалить его с его поста⁴⁴.

Однако «товиянизм» Мицкевича был явлением вторичным и вполне ожидаемым, поскольку активная проповедь религиозно-нравственного обновления сама по себе продуцирует ожидание пророков. Сводить к нему историософскую концепцию Мицкевича и просто хронологически неверно. По справедливому замечанию Анри Деметра, посвятившего обширную монографию изучению феномена польского мессианизма, «проповедь Товианского смогла дать такой толчок польскому движению национального и религиозного обновления лишь потому, что к моменту проникновения доктрин Товианского в среду польской эмиграции в 1841–1842 гг. эти доктрины в значительной мере отвечали тем идеям, которые развивали Мицкевич и его последователи»⁴⁵.

Следует отметить и то, что идеи Мицкевича не вызвали особого энтузиазма у, казалось бы, самой заинтересованной части аудитории — польской и русской. В глазах поляков проповедь христианизирующей роли Польши в мировой истории не могла выкупить расхождений о неизбежном сближении Польши с Москвой. Характерны протесты, время от времени раздававшиеся из среды эмиграции. Так, в 1843 г. появилось открытое письмо «К польской Эмиграции»

⁴² *Mickiewicz A. Les Slaves: Cours du Collège de France (1842) / Éd. dirigée par Ph.-J. Salazar, avec une présentation de J. Axer. Paris, 2005.*

⁴³ *Фишман С. Парижские лекции Мицкевича о славянских литературах // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. М.; Л., 1966. С. 238–239 (пер. с польского).*

⁴⁴ *Milosz Cz. Histoire de la littérature polonaise / Traduit de l'anglais par A. Kozimor. [s.l.]: Fayard, 1986. P. 317. Изданная первый раз в 1969 г. на английском языке, работа Чеслава Милоша является наиболее полной историей польской литературы, имеющейся в распоряжении широкого западноевропейского и американского читателя.*

⁴⁵ *Desmettre H. Towiański et le Messianisme polonais. T. 1. P. 37.*

В. Яблоновского, в котором идеи Мицкевича объявлялись предосудительными и «вредными для интересов Европы и Франции». «К чему хорошему может привести это взаимное сближение славянских народов?» — возмущался автор письма. Яблоновский задавался также вопросом, что стоит за назначением Мицкевича профессором Collège de France: «Если влияние России, то можно рассматривать это назначение как шедевр хитрости и ловкости; если мы обязаны этим князю Чарторыйскому, то вот еще одна новая ужасная ошибка с его стороны»⁴⁶. Кристин Островский, славословивший Мицкевича в 1841 г. в предисловии к своему сборнику французских переводов его поэзии, при их переиздании в 1845 г. обрушился на прежнего кумира. Мицкевич, писал Островский, не исполнил возлагавшихся на него надежд. Его соотечественники верили, что в его лице перед лицом Европы обретут голос семьдесят миллионов угнетенных, вместо этого он принял на себя роль посредника между Россией и Польшей, Азией и Европой, варварством и свободой. Лекции в Collège de France стали импровизацией без плана и связи, набором «противоречащих друг другу фраз, исторгаемых лектором случайно и зачастую против воли»⁴⁷. Что же касается возможного сближения русской и польской идей, то саму мысль об этом Островский горячо отвергал: «Даже если бы мы, поляки, могли бы предать забвению все прошедшее, если бы мы могли, как Христос, простить наших вечных преследователей, разве они сами смогли бы забыть, извинить то зло, которое они нам принесли? Их отцы в течение трех веков резали наших отцов. О! нет, ничто не смогло бы нас примирить и объединить, никогда! Но пусть они осмелятся свергнуть их и нашего тирана, пусть найдут силу однажды стать свободными, как мы были свободны десять месяцев в 1831 г., и после этого пусть придут к нам и говорят о примирении и братстве: о! тогда мы сможем принять их как братьев, дать им поцелуй согласия и мира; но до этого момента ни малейшей связи между нами и ими!»⁴⁸ В феврале–марте 1843 г.

⁴⁶ Письмо Яблоновского «Do Emigracyi polskiej» цит. по: *Desmettre H. Towiański et le Messianisme polonais*. Т. 1. Р. 343.

⁴⁷ *Œuvres poétique complètes de Adam Mickiewicz, professeur de littérature et de langue slave au Collège de France. Traduction nouvelle... par Christien Ostrowski*. 2-е éd. Paris, 1845. Р. XVIII.

⁴⁸ Там же. Островский, между прочим, конкурировал в 1840 г. с Мицкевичем за место профессора Collège de France. В 19-летнем возрасте он, с началом польского восстания, вступил в армию и через год получил офицерский чин и серебряный крест *Virtuti Militari*. Оказавшись в эмиграции, Островский продолжал считать военную службу долгом поляка, в 1832 г. определился в бельгийскую артиллерию, участвовал в осаде Антверпена, в 1836 г. снял мундир и вступил на поприще журналиста. Французские стихи Островского были благосклонно отмечены Сент-Бёвом, Шатобрианом и Ламартином,

большой шум в эмигрантской среде наделало «дело» Мирского — поляка, под влиянием идей панславизма перешедшего в православие и призывавшего всю эмиграцию последовать его примеру, поскольку, как заявлял он, будущее славянских народов зависит от установления между ними самого тесного религиозного, социального и политического единства, а центром славизма может быть только Москва. Во время этого скандала Мицкевич уже открыто третировался как пропагандист и чуть ли не агент России⁴⁹.

В русской печати даже упоминание о лекциях Мицкевича не приветствовалось. Издания, начавшие появляться с 1843 г. к обращению в России были запрещены. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что в довольно широком кругу было, тем не менее, хорошо известно происходящее в Collège de France, хотя бы из подробных писем-отчетов А. И. Тургенева, едва ли не единственного постоянного русского слушателя лекций Мицкевича⁵⁰. Многостраничные письма А. И. Тургенева, содержащие подробные конспекты целых лекций Мицкевича, отправлялись в Москву к Е. А. Свербеевой, то есть адресовались как раз тому кругу, в котором именно в это время развивались и кристаллизовались идеи русского славянофильства. Сколь-нибудь заметного отголоска в славянофильских концепциях они не вызвали. Самые прочувствованные и восторженные отзывы о курсе Мицкевича принадлежат французским слушателям, в среде которых Мицкевич до самого конца сохранял исключительную популярность. Эта часть аудитории восприняла его историософскую концепцию польского мессианизма и будущего славянского единства с интересом и сочувствием, как вдохновенную поэтическую импровизацию.

но главной целью его жизни всегда оставалась политика — борьба за польскую независимость. В том, что Островский на посту профессора оправдал бы политические чаяния польской эмиграции, не могло быть никаких сомнений. Однако человек, сторонившийся отеля Ламберт и не скрывавший своих демократических и даже республиканских симпатий, не мог импонировать кн. Чарторыйскому, так что шансов на получение кафедры у Островского практически не было.

⁴⁹ См.: *Desmettre H. Towiański et le Messianisme polonais*. Т. 1. Р. 335–343.

⁵⁰ По несколько лекций в разное время посетили В. Г. Тепляков и П. В. Анненков.